

Алекс Сити

Подземный Демиург

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Сити

Подземный Демиург

«Автор»

2026

Сити А.

Подземный Демиург / А. Сити — «Автор», 2026

Исчезли четыре девушки. За три месяца. Один район. Никто не видел. Все боятся. Журналист Андрей Симанский приехал продать квартиру матери. Он не собирался оставаться. Но остался. Потому что одна из пропавших — Марина, соседка и одноклассница. Подруга детства, следователь Наташа Звягинцева, кладёт перед ним папку с четырьмя именами. У неё нет ни улик, ни тел. Только список пропавших. Он не психопат. Не сумасшедший. Он умный. И терпеливый. Он не просто забирает — он играет. И он где-то рядом. Возможно, вы даже здороваетесь с ним на улице. Это не история о том, как ловят маньяка. Это история о том, как маньяк находит то, что хочет. Он не охотится. Он выбирает. И он уже выбрал. Может быть, тебя.

© Сити А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Сити

Подземный Демиург

Глава 1

Все мы в одной связке. Люди труда. И не важно, что именно ты делаешь. Хлеб или слово.

Пролог

Он уставился на меня и улыбнулся. Едва заметно, уголками губ.

— Хорошо, — сказал он. — Но сначала я хочу вам показать свой винный погреб. У меня удивительная коллекция вин. И я очень хочу, чтобы мы с вами выбрали бутылочку для предстоящего разговора.

— Ну что же, я не против, — я пожал плечами. — Ведите!

Он открыл дверь на кухне. За ней была тёмная лестница вниз.

— После вас, — сказал этот гад.

Я начал спускаться, он шёл за мной. Я слышал его шаги за спиной — медленные, ровные. Я не мог посмотреть назад. Сердце яростно стучало, видимо, уровень адреналина зашкаливал. Помню, прыгал с тарзанки в молодости. Ощущение было похоже на первые секунды падения.

Он щёлкнул выключателем. Тусклая лампочка на проводе загорелась.

Чугунная ванна с облупившейся эмалью, большие канистры с предупреждающими знаками. Тёмные пятна на полу, которые я не хотел рассматривать.

— Ну вот, — сказал он. — Винный погреб.

Я стоял у стены и не двигался.

— Не то, что ты ожидал? — спросил он.

— То, — сказал я. — Именно то.

Он замолчал. Я услышал, как он достаёт с полки что-то. Медленно, не спеша.

В его руке сверкнул нож. Необычной формы — три ниспадающих листа. Клинок расширился вверх от рукоятки. Этот урод держал тесак спокойно, как держат вещь, к которой привыкли.

— Достопочтимый сэръ, — сказал он. — Вот он, ваш сюрприз. Это я, собственной персоной.

Он сделал шаг вперёд. Я — шаг назад. Спиной почувствовал стену, дальше некуда.

— И что ты будешь делать? — мне не надо было изображать страх. Сердце выпрыгивало из груди, нож наглухо приковал мой взгляд.

— Я знал, что ты припрёшься ко мне рано или поздно. Следил за этой сукой, твоей подружкой, а тут и ты нарисовался. С того дня я старался держать тебя в поле зрения. Если уж следователь прокуратуры просит у кого-то помощи, то это должен быть умный парень как минимум.

Я слотнул, в горле стремительно пересохло. Голос опять дрогнул.

— И что теперь? — повторил я.

— А теперь, мой юный друг, мы постараемся закрыть эту маленькую проблемку. Ты мне расскажешь, каким образом ты вышел на меня. Всё-всё, что успел накопать. Расскажешь, кто и что знает о твоих расследованиях. И дальше... поглядим, что дальше.

— Знаешь, так не пойдёт, — вдруг заорал я. — Я провёл расследование! Я должен его завершить! Рассказывай! Без вранья!

Говнюк расхохотался мне в лицо:

— Какие же вы борзые! Одной ногой в могиле, а туда же — условия диктует. Ну ладно, поиграем.

Он подошёл ближе. Поиграл своим ножом — я бы назвал его скорее саблей. — Отлично, хороший мальчик. Поговорим? Что хочешь знать?

— Скажи, сколько было жертв?

Он усмехнулся. — Это просто. Семь.

Я знал, что это ложь. Пять. Я знал каждое имя. Но он сказал «семь». Как будто хотел, чтобы я поверил.

— Зачем? — спросил я. — Зачем ты это делал?

Он опустил руку с ножом.

— Власть! Они уже твои вещи, понимаешь? Что ты делаешь со своими вещами, ну когда сломались, устарели, больше не нравятся? — отчеканивал этот ублюдок. — Правильно, дружок, ты несёшь их на помойку и выбрасываешь.

Я не смог сдержать гримасы омерзения от его гнусных речей.

— Когда ты держишь в руках чью-то жизнь, — продолжил этот паук, — ты чувствуешь себя богом. Это ты все за них решаешь. Ты. Никто другой. Не судьба, не случай, не ваши законы. Ты.

Он сделал шаг назад. Посмотрел на ванну, потом на меня.

— Они смотрели на меня. Все. Сначала — со страхом. А потом — с мольбой. И это... это лучшее, что есть в жизни. Лучше секса. Лучше денег, лучше всего.

Он наконец заткнулся, этот урод.

Но я хотел спросить ещё. Про Катю, про Марию. Про то, почему они.

Но не успел.

Он нажал на что-то рядом с полкой. И я услышал шипение, резкое шипение.

Я рванул вперёд, но поздно. Я знал, что надо задержать дыхание.

Но не успел.

Успел сделать два шага, а потом ноги стали ватными, и я вырубился.

Чужой взгляд

2 июля

Кладбище старое.

Могила стоят плотно, ограды почти соприкасаются, липы смыкаются над головой — и даже в полдень здесь темно. Я приехал не потому, что хотел, а потому, что так было надо.

Наташа сказала, что будет с братом, с родителями Кати.

За четыре дня до этого я был у патологоанатома, взглянуть на тело Кати и послушать специалиста. В то же утро нашли того, кого посчитали убийцей. Он якобы покончил с собой.

Наташа привезла меня, представила как коллегу и уехала:

«Я не могу на неё смотреть. Такую. Выслушай всё сам, потом расскажешь».

Что увидел и услышал — отдельный разговор.

Я шёл по главной дорожке, мимо покосившихся крестов и венков с выцветшими лентами. Мать похоронили здесь шесть лет назад. Оградка покрашена — свежей серой краской, ровно, без потёков.

А я не красил.

Остановился. Посмотрел.

Краска свежая, но не сегодня. Дня два, может, три. Кто-то приходил. Кто-то красил. Я не знал кто и не понимал зачем. Но что-то в этом было.

Что-то, что напрягало.

Посмотрел на фотографию под стеклом. Мать улыбалась как всегда. Я смотрел и ничего не чувствовал. Будто это не она, будто это чужая могила, чужая фотография. Я не знаю, почему так. И я не стал об этом думать. Пошёл дальше.

Мимо других могил, других имён. Смотрел на даты. Кто-то жил долго, кто-то — нет. Молодые, совсем молодые.

Как Катя.

Как Настя.

Как Марина.

Я уже знал эти имена, знал их лица. Они были в папке. И теперь они были здесь. Или не здесь.

У входа, на скамейке, сидел сторож — сторбленный, в телогрейке, с ключами на поясе.

Он долго смотрел на меня и потом сказал:

— Хороните?

— Нет. Пришёл на похороны как друг.

— А. — Он кивнул. — Много сегодня.

— Много, — согласился я.

— Пятая, — сказал он. Не спросил. Просто сказал. — За три месяца. Пятая.

— Знаю, — сказал я.

— Мать твою помню, — сказал он вдруг. — Шесть лет. Ограду кто-то покрасил. Не ты?

— Не я.

И я побрел туда, где сейчас должны были хоронить Катю.

Я вспомнил кафе «Синичка». Она сидела напротив, кофе не пила.

Крутила чашку и тихо говорила про девушек. Про то, что никто не видит системы. Про то, что она одна.

Я слушал и думал: не моё. Не хочу, не буду.

А потом она сказала:

«Больше некому».

И я согласился. Не потому что поверил. А потому что надо было ей помочь. Ну или хотя бы попытаться.

Катю Мурашову я не знал. Девятнадцать лет, студентка педагогического, племянница Наташи. Но Наташу знал с первого класса. И её брата. Поэтому я сейчас здесь.

Народу много. Больше, чем ожидал. Стояли плотно, от ограды до дорожки.

Родители Кати, Сергей и Нина, впереди.

Сергей — крупный, обрюзгший, с залысинами и красными глазами — держал жену за руку и смотрел в землю. Нина, маленькая, сухая, в чёрном платке, не отводила глаз от гроба.

Рядом — тётка Вера, полная, с заплаканным лицом, то и дело вытирала нос платком. Дядя Костя, брат Сергея, высокий, седой, стоял в стороне и курил, хотя на кладбище не курят.

Дальше соседи.

Старуха Ананьева из пятого дома, в старом пальто, с авоськой.

Молодая пара с третьего этажа, держались за руки, девушка всхлипывала.

Мужики с автобазы, где работал Сергей, — трое, в одинаковых куртках.

Однокурсники Кати — стайка девушек в тёмном.

Преподавательница, пожилая, в очках.

Школьная подруга, которая плакала громче всех.

Все пришли. Все, кто знал. Все, кто любил. И все, кто боится. Это не просто похороны. Погибла молодая красивая девушка.

Похищена и убита.

В толпе шептались.

Женщина в сером платке качала головой:

«Пятая. Пятая за три месяца. Господи, когда это кончится».

Другая, худая, с авоськой, перекрестилась:

«Говорят, её в лесу нашли. Собака привела. Страшно подумать, что он с ней делал».

Первая вздохнула:

«Теперь дочку в школу провожаю. И встречаю. Каждый день».

Вторая кивнула:

«Все так. Весь город так. Мужики вон злые ходят».

Я посмотрел на мужчин. Стояли молча, сжав кулаки. Лица тёмные. Кто-то сплёвывал под ноги. Никто не разговаривал. Только желваки ходили. Я знал это чувство. Сам так стоял. Когда не можешь ничего сделать, но и уйти не можешь. Только ждёшь, злишься на всех. На себя.

Женщины продолжали шептаться.

«Говорят, это он. Тот, что повесился. Дело закрыли».

Другая качала головой:

«Не верю, не он это. Это кто-то другой. Он ещё в городе».

Первая вздрогнула:

«Тише ты, услышит».

Вторая усмехнулась:

«Кто услышит? Его здесь нет».

И всё равно оглянулась. Все оглядывались.

Каждый чувствовал: страх не отступил и повис над ними, над всем серым городом.

Наташа стояла рядом с братом, чуть позади родителей. В тёмно-синей рубашке, без погон, с коротко стриженными волосами. Бледная как мел. Глаза красные, но сухие. Она не плакала при людях. Никогда. Кольцо бабушки на пальце — серебряное, с бирюзой. Крутила его медленно, туда-сюда. Привычку эту знал с детства. Она нервничала.

Я смотрел на неё и видел: она винит себя. Думает — если бы не позвала меня. Если бы не начала копать. Может, Катя была бы жива. Я ничего не мог сказать. Сам думал то же самое.

Вокруг могилы ждали трое рабочих. Двое с лопатами, третий — высокий, в тёмной куртке, руки в карманах. Смотрел на гроб. Долго, без выражения. Я задержал на нём взгляд дольше, чем на остальных. Не потому что заметил что-то. Просто он не отводил глаз. Такое мне не понравилось.

У ворот стоял Багров — владелец клуба «Ночной». Я был у него в клубе недавно. Дорогие часы, ровная спина. Он не смотрел на могилу. Смотрел на людей. Рядом — ещё один, повыше, в тёмной куртке. Он посмотрел на Наташу. Потом на меня, коротко и быстро отвернулся.

В стороне курил Фрол — муж Марии. Я тоже с ним говорил на днях. В рабочей куртке, усталый. Стоял один, не уходил.

Мое внимание привлек молодой парень в куртке, с телефоном. Держал его на уровне груди и снимал. Медленно, обводя толпу. Видимо оперативник, фиксировал лица. Наташа что-то говорила об этом.

Священник читал, голос тонул в ветре. Я смотрел на других людей. Кто с кем, кто один, кто смотрит на могилу, а кто отводит взгляд. Ждал, что-то зацепит, но ничего не цепляло.

Лица, горе, растерянность, страх.

Рабочие взяли за верёвки и опустили гроб. Верёвка скрипнула, гроб глухо коснулся дна. И на секунду стало тихо.

И в этой тишине Сергей сорвался.

Он отпустил руку жены. Шагнул вперёд. Лицо перекосило. Глаза белые.

— Это ты! — крикнул он. Ни на кого конкретно. На всех. — Ты её не уберегла! Ты! — повернулся к Наташе. Пальцем в неё. Рука дрожала.

— Ты должна была! Ты следователь! Это ты виновата! Ты её не спасла!

Нина схватила его за руку. Он вырвался. Шагнул к Наташе. Она не двинулась, стояла бледная. Её рука с кольцом замерла, пальцы сжались в кулак. Кольцо врезалось в кожу, больше не крутила.

— Уходи! — крикнул он. Голос сорвался. — Уходи отсюда! Ненавижу тебя! Это ты привела его! Ты во всём виновата!

Дядя Костя подошёл, взял его за плечи. Мужики с автобазы — тоже оттаскивали. Сергей всё кричал. Уже не словами, зверем. Пока не обмяк и не осел на руки мужиков. Заплакал, громко, по-детски.

Наташа стояла не двигаясь. Не сказала ни слова, только смотрела на брата. В глазах — слёз нет, что-то хуже. Будто внутри что-то сломалось, медленно и не слышно.

Она повернулась и пошла. Мимо рабочих, мимо ограды, мимо толпы. Села в автомобиль, дверь хлопнула. Машина завелась и уехала.

Сергей был прав. Не в том, что она виновата. А в том, что кто-то должен был сказать это вслух. И это сказал он. На похоронах своей дочери.

Рабочие закончили и разошлись. Один сел в «газель», второй — в «Ниву», третий, высокий, — в большую чёрную машину. Двигатели заурчали и автомобили уехали. Стало тихо.

Я стоял у могилы, смотрел на фотографию. Девушка улыбалась.

Собственно говоря, дело закрыто, можно наконец уезжать. Тот, кого подозревали в похищении и убийстве мёртв.

Якобы сам. Всё сходится, его трофеи на столе. Я не знал почему, но чувствовал: это подстава.

Кто-то другой убрал его, кто-то повесил на него все преступления. И этот кто-то — до сих пор в городе, на воле, живой и довольный своей победой.

Что-то вдруг щёлкнуло у меня в голове.

Не мысль, ощущение.

Этот человек — здесь. Здесь. Среди могил. Среди тех, кто приходил сюда сегодня. Он был здесь, смотрел на меня, на Катю, на всех скорбящих. Надо будет внимательно посмотреть запись похорон. Я не уеду пока не найду эту мразь.

Племянница — не случайность, он выбрал её намеренно. Потому что она — Наташина. Это удар по Наташе и нашему расследованию. Он хотел, чтобы все поняли: можно достать любого. Даже самого близкого.

А значит, следующая — Наташа. Не потому что он её выбрал. А потому что она — тот, кто ищет. Пока ищет — она цель. Если я уеду — она останется одна. С этим убийцей, который, возможно, уже следит за ней.

Мне можно уехать завтра или сегодня. Работа, привычная жизнь. Если я уеду, то предам не только Наташку, точно предам самого себя. Я уже ошибся однажды.

И Катя умерла.

Теперь — второй шанс. Если упущу — это конец. Не для жертвы. Для меня.

Я остался. Не героически, но зато зная, что теперь я — тоже цель. Что я рискую всем.

Только если уеду — потеряю больше.

В голове всё ещё стоял крик Сергея пока я двигал в сторону своей машины.

И лицо Наташи — белое, без слёз.

Издалека увидел, что под дворником — клочок бумаги. Вот она, сложенная вдвое, белая записка. Посмотрел по сторонам. Кладбище пустое, только сторож на скамейке.

Взял записку, развернул. Печатные буквы, ровные, без подписи.

«Возвращайся к себе. Даю неделю. Или она умрёт».

Я стоял и смотрел на эти буквы. Долго. Руки трясло, не от страха, от злости.

Он всё знал. Знал, что я остался ради неё, что не уеду. И теперь даёт мне неделю. Семь дней. Чтобы я собрал вещи и исчез. Или чтобы она умерла.

Я скомкал записку, но потом разгладил и убрал в карман. Пальцы не слушались. Я заставил их. Один за другим. Потому что если я сейчас расклеюсь — всё зря.

Достал из кармана потертую монетку. Старую, чешскую, в двадцать крон.

Святой Вацлав на коне — с одной стороны. Лев — с другой. У меня такая привычка — катать по костяшкам эту золотистую монетку. Туда-сюда. Проверять, что руки ещё мои. Что я ещё держу ритм.

Монетка пошла. С указательного на средний. Потом на безымянный. Потом обратно. Ровно. Я смотрел на неё и дышал. Медленно. Считал. Один. Два. Три. Руки слушались. Значит,

я ещё здесь. Значит, ещё могу. Ускорял движение постепенно, плавно, пока не дошел до своего максимума.

Она соскочила с мизинца и звякнула о бордюрный камень.

И тогда — не сдержался. Всё, что копилось — крик Сергея, лицо Наташи, записка, страх, злость, беспомощность — поднялось и ударило. Я развернулся и со всей силы пнул колесо ногой:

— Сука!

Боль прострелила ногу, настоящая. Я стоял, опершись на дверцу, и дышал. Через зубы. Колесо даже не вздрогнуло. Машина — тоже. Только я с ноющей ногой. С этой запиской в кармане, с пустотой и отчаянием.

Я сел в машину и выехав с территории свернул на дорогу. Большая чёрная машина стояла на обочине. В салоне темно и тихо.

Я проехал мимо и почувствовал: оттуда смотрят, долго не отводя взгляд.

Кладбище осталось позади.

Неделя.

Ехал домой и думал: это не конец. Это начало.

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.